

УДК 903.2

Н.К. Анисюткин*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191118, Россия
E-mail: orthopt@zin.ru***К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА К ВЕРХНЕМУ****Введение**

Статья двух известнейших европейских специалистов по палеолиту Я.К. Козловского и М. Отта “Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии”, посвященная важнейшей проблеме современного палеолитоведения, вызывает, естественно, большой интерес. Особенно примечательно, что данная проблема обсуждается на материалах с очень обширной территории, где средний и даже поздний палеолит изучены неравномерно, места значительных концентраций памятников чередуются с абсолютно неисследованными пространствами. Это обстоятельство открывает широкий простор для разнообразных дискуссий.

Оба автора, естественно, прекрасно осознают сложность некритического переноса европейского опыта выделения переходных индустрий на иные территории и прежде всего Азиатского региона. Известно, что палеолитические каменные индустрии Азии весьма разнообразны, порою резко отличаются от аналогичных европейских. На это обратил внимание Ф. Борд почти 45 лет тому назад, указав (применительно к палеолиту Китая), что специфический верхнепалеолитический комплекс Чжоукоудянь лишь очень отдаленно напоминает индустрии верхнего палеолита Западной Европы [Bordes, 1958].

Примеры специфики азиатского палеолита

В синхронной верхнему палеолиту культуре шонви во Вьетнаме, с материалами которой я имел возможность весьма детально ознакомиться во время научной командировки в эту страну в 1984 – 1985 гг., ис-

ключительно обильны разнообразные галечные орудия [Нгуен Кхак Ши, 1982] и необычна техника расщепления камня. Так, для коллекции каменных изделий из пещеры Нам Тун (более 15 тыс. л.н.), обработанной мною по методике Ф. Борда, получены следующие технические показатели: $IL - 0,5\%$, $IF - 2,5$, $Пам - 5,0$, ICL (клектонский) – 73,0, индекс галечных площадок – 90,8%. Они несопоставимы ни с одним из известных комплексов среднего, а тем более верхнего палеолита Европы. Из 156 проанализированных орудий на долю галечных пришлось 128, а из типичных для верхнего палеолита форм найдено только два скребка на отщепках. Аналогичные показатели характерны и для двух других коллекций, из которых одна (Сом Чай) соответствует хаобиньской культуре, сопоставляемой с индустриями европейского финального палеолита и мезолита. Напротив, комплекс из нижнего слоя убежища под скальным козырьком Нгэм (перекрыт слоями с материальными остатками культур хаобинь и шонви; радиоуглеродная дата для перекрывающего нижний слой стерильного горизонта – более 30 тыс. л.н.), напоминающий своеобразное зубчатое мустье с многочисленными галечными орудиями, показал преобладание орудий на отщепках, включая отдельные формы леваллуа и немногочисленные пластины. Здесь явно прослеживается парадоксальная для европейского палеолита тенденция развития индустрий в сторону специализации, где более совершенная (но более ранняя) среднепалеолитическая технология заменяется архаичной. Нельзя исключать повторения аналогичной ситуации в каком-нибудь ином регионе Азии, о чем необходимо помнить сторонникам абсолютизации европейского опыта.

Примеры специфики европейского палеолита

Я полностью разделяю мнение авторов статьи о том, что верхнепалеолитическая культура могла сформироваться в результате не только взаимовлияния среднепалеолитической и ориньяжской культурных традиций, но и эволюции европейского мустье. Этот вывод важен именно в том смысле, что подразумевает многообразие процесса перехода от мустье к верхнему палеолиту. С другой стороны, следует быть осторожным в безоговорочной реанимации старой точки зрения, согласно которой “ориньяжская культура была принесена в Европу анатомически более развитыми людьми”. Этому выводу противоречит разнообразие индустрий, характеризующихся обычно как “ориньяж”, но очень существенно отличающихся от эталонного ориньяжа Франции, на что в свое время обращали специальное внимание некоторые отечественные ученые [Григорьев, 1972], отмечая специфику французского ориньяжа. К тому же, как указывается в интересной статье Л.Б. Вишняцкого [2000], в которой этот вопрос рассмотрен специально, все известные в Европе ранние ориньяжские памятники относятся к более позднему времени, чем такие переходные индустрии Европы, как селет, богунисьен и шательперрон. Правда, если встать на путь упрощенного анализа индустрии, как это делают многие исследователи, принимая во внимание главным образом так называемые “ориньяжские скребки”, игнорируя иные важнейшие показатели (прежде всего пластины с ориньяжской ретушью), то тогда широчайшее распространение “ориньяжа” гарантировано.

В данном случае можно привести пример выделения такого “ориньяжского” комплекса, но с листовидными бифасами, на юго-западе Русской равнины, в его основе стинковская среднепалеолитическая индустрия. На подобную связь верхнего палеолита именно с данной индустрией указывали разные исследователи, которые специально занимались проблемой происхождения региональных верхнепалеолитических культур [Борзияк, 1978; Амирханов, Аникович, Борзияк, 1980; Станко, 1982; Анисюткин, 1992; Сапожников, 1994; Chirica, Borzicac, Chetaru, 1996].

Данную среднепалеолитическую линию развития представляют три разновременные индустрии [Анисюткин, 1992]: ранняя, названная дуруиторской (грот Старые Дуруиторы, местонахождения Ярово, Мерсына) и сопоставляемая с тайяком (или *evenosien*’ом), характеризуется архаичной технологией с очень низкими индексами леваллуа и пластин, единичными бифасиальными формами [Кетрару, 1973], средняя – протостинковская (нижний слой грота Выхватинцы, местонахождения Осыпка, Шипот-2 и Бобулешты-5) – является развитым вариантом дуруиторской, поздняя – стинковская (Стинка-1, Шипот-1, Мамая, грот Буз-

дужаны-1) – с типичными листовидными остриями-бифасами. Для этих индустрий, из которых ранняя датируется риссом, протостинковская – рисс-вюрмом и началом вюрма, стинковская – первой половиной вюрмского времени [Анисюткин, 1992], характерны постоянное присутствие скребков с носиком, карене, нуклеидных и на ударных площадках отщепов (*butt-scrapers*), обилие выемчатых и зубчатых форм при архаичной технологии (доля пластин увеличивается до 17% лишь в комплексе верхнего слоя Стинки-1, материалы которой, видимо, представляют переходную индустрию или относятся к началу верхнего палеолита) [Борзияк, 1978]. Все эти черты также типичны для местного “ориньяжа”. В раннем ориньяжском комплексе стоянки Рипичени-Извор на правом берегу Прута (возраст более 30 тыс. лет [Paunescu, 1993]), структура которого аналогична стинковской, выявлены единичные формы регионального типичного мустье, указывающие, вероятно, на то, что процесс становления верхнепалеолитической индустрии не был одномоментным.

Важно подчеркнуть, что так называемые ориньяжские скребки многочисленны и в дуруиторской индустрии. Это позволяет сделать вывод о их существовании в рассматриваемом регионе еще в раннюю пору среднего палеолита.

Правда, недавно группа западноевропейских ученых, ознакомившихся с некоторыми верхнепалеолитическими памятниками Молдавии, предложила для региона свою интерпретацию перехода от среднего палеолита к верхнему [Отт, Нуаре, Лопес Байон, 1999], указав на то, что этот процесс шел от восточного микока через центральноевропейский селет к индустриям ориньяжского направления [Там же, с. 163]. Специально обращено внимание на неместное происхождение молдавского ориньяжа. С этой интерпретацией трудно согласиться прежде всего потому, что исходные каменные индустрии, а именно так называемый “восточный микок” и селет, характеризуются, если использовать для сравнения только среднепалеолитические формы, обилием типичных скребел при малочисленности зубчатых орудий [Valoch, 1957]. Напротив, во всех коллекциях регионального раннего “ориньяжа” зубчатых орудий значительно больше скребел. Если в селете Моравии индекс зубчатых орудий не более 3%, то в “ориньяже” с листовидными бифасами румынской Молдовы (Миток-Валя-Изворулуй, Рипичени-Извор) и Молдавии (нижний слой грота Брынзены) он выше 21%, в то время как максимальный индекс скребел не достигал 15% [Кирикэ, 1999]. К тому же в материалах памятников данной группы постоянно присутствуют (характерные для более раннего времени) скребки на ударных площадках отщепов и некоторые специфические формы орудий стинковской индустрии, которые обнару-

жены мною в коллекциях местонахождения Миток-Валя-Изворулуй и грота Брынзены. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что стинковская индустрия отличается низкими индексами леваллуа и пластин. Только в комплексе верхнего слоя Стинки-1 показатель пластин достиг 17%, а в изученной мною части коллекции грота Брынзены, относящейся к концу раннего верхнего палеолита, едва превысил 27%. Весь ныне известный ориньяк с территории Восточного Прикарпатья (прежде всего румынский) отличается от подлинного ориньяка Западной Европы не только наличием листовидных острий-бифасов, но и обилием выемчатых и зубчатых орудий при отсутствии пластин с ориньякской ретушью. Все эти элементы, включая некоторые специфические формы орудий, в частности скребки на ударных площадках отщепов и массивные острия, характерны для регионального среднего палеолита, что позволяет видеть здесь преемственность. В данном случае переходным индустриям присущи низкие индексы пластин. Эта особенность указывает на определенную специфику формирования верхнепалеолитических индустрий.

Напротив, авторы рассматриваемой статьи во главу угла ставят именно пластинчатость и леваллуазскую технологию, подчеркивая их исключительную важность при формировании индустрий верхнего палеолита. Подобная категоричность вряд ли здесь уместна. Напомню, что кроме верхнепалеолитической индустрии Пруто-Днестровского междуречья со стинковской основой, невысокая пластинчатость также характерна для селета Центральной Европы и стрелецкой культуры в пределах Восточной Европы.

Палеолитическая стоянка Кульбулак

Остановлюсь на материалах такого важного и достаточно хорошо известного мне азиатского палеолитического памятника, как Кульбулак. Они упоминаются в статье М. Отта и Я. Козловского в качестве пластинчатого комплекса с многочисленными концевыми скребками. Речь идет о верхней пачке культурных слоев, отнесенных М.Р. Касымовым к позднему мустье и верхнему палеолиту [Касымов, 1990], которые я раскапывал вместе с узбекскими коллегами в 1994 – 1995 гг. [Анисюткин и др., 1995]. Обнаруженная в двух верхних слоях каменная индустрия не является подлинно пластинчатой. Общий показатель пластин, среди которых редки типичные верхнепалеолитические пластинки, равен всего 25%, что соответствует, скорее, индустриям среднего палеолита, но не верхнего [Деревянко и др., 1999]. Нет типичных призматических нуклеусов, нехарактерных также и для коллекций из раскопок М.Р. Касимова, но имеются дисковидные. Из 35 орудий скребков выделено 11, скребел – пять, пластин с нерегулярной ретушью

и зубчатых – по шесть, выемчатых и долотовидных – по два, остальные формы (резцы, проколки, острия) представлены единичными экземплярами. Наиболее выразительными являются скребла. Среди скребков нет типичных на пластинках, преобладают атипичные с микрозубчатой краевой ретушью, выключая кареноидные формы. Комплексы из лежащих ниже мустьерских слоев 3 и 4, которые нельзя назвать подлинно леваллуазскими, отличаются от каменного инвентаря из верхних слоев 1 и 2 более крупными размерами изделий, включая характерные для мустье нуклеусы с плоскостным расщеплением, в том числе дисковидные и леваллуазские. Среди орудий преобладают типичные скребла, есть остроконечники, меньше выемчатых и зубчатых изделий, а также выразительных концевых скребков на отщепах. В нижних уровнях, которые М.Р. Касымов относил к среднему и раннему мустье [Касымов, 1990], преобладают обычные для мустье формы, выполненные преимущественно на нелеваллуазских заготовках, встречены редкие бифасы.

Заключение

В общем, как показывает практика, европейская модель формирования индустрии верхнего палеолита, базирующаяся на господстве пластинчатых заготовок, не является всеобщей и строго обязательной для обширной территории северной части Евразии. Здесь прежде всего необходим учет разнообразного проявления внутренней эволюции региональных палеолитических индустрий.

В частности, в пределах Узбекистана можно обратить внимание на две линии формирования верхнепалеолитических индустрий. Первая, обирахматская, основывается на пластинчатых заготовках средних размеров [Сулейманов, 1972]; вторая, представленная прежде всего материалами Кульбулака [Касымов, 1972] и Самаркандской стоянки [Лев, 1964; Джуракулов, 1987; Коробкова, Джуракулов, 2000], – на непластинчатых. В данном случае мы имеем дело с простой или “однолинейной” трансформацией среднепалеолитических индустрий в верхнепалеолитические. Более сложная модель, отмеченная в Восточной и Центральной Европе [Аникович, 2000], но неизвестная пока в Средней Азии, которую следует назвать “синтетической”, может рассматриваться как аккумуляционная.

В настоящее время переход от среднего палеолита к верхнему должен восприниматься исключительно как технико-типологическая проблема. Иные аспекты, на которые обращают особое внимание отдельные исследователи [Васильев, 2000], – расположение памятников на местности, хозяйственная деятельность, особенности добывания и транспортировки

сырья, функциональная специализация стоянок – играют второстепенную роль. Для постановки проблемы перехода от среднего палеолита к верхнему первостепенное значение имеет фактологическая база и региональный аспект. Важно, в идеале, иметь достаточное представление как об исходном пласте региональных среднепалеолитических индустрий, так и о конечном – верхнепалеолитическом, включая как памятники ранней поры, так и средней. Попытки же решать эту проблему только на основе технологического постулата (наличие пластинчатости и техники леваллуа), игнорируя типологическую специфику, не продуктивны.

Список литературы

- Амирханов Х.А., Аникович М.В., Борзняк И.А.** К проблеме перехода от мустье к верхнему палеолиту на территории Русской равнины и Кавказа // СА. – 1980. – № 2. – С. 5 – 22.
- Аникович М.В.** Начальная пора верхнего палеолита Восточной Европы // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 11 – 30.
- Анисюткин Н.К.** Ранний и средний палеолит юго-запада Русской равнины: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 1992. – 39 с.
- Анисюткин Н.К., Исламов У.И., Крахмаль К.А., Сайфуллаев Б., Хушваков Н.О.** Новые исследования палеолита в Ахангароне (Узбекистан) // Археологические изыскания. – СПб., 1995. – Вып. 28. – С. 5 – 40.
- Борзняк И.А.** Поздний палеолит северо-запада Молдавии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1978. – 18 с.
- Васильев С.А.** Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту в Сибири // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 178 – 210.
- Вишняцкий Л.Б.** “Верхнепалеолитическая революция”: география, хронология, причины // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 245 – 271.
- Григорьев Г.П.** Ориньякская культура и ориньякоидные культуры Европы // КСИА. – 1972. – Вып. 131. – С. 20 – 24.
- Дервянко А.П., Холюшкин Ю.П., Ростовцев П.С., Воронин В.Т.** Статистический анализ среднепалеолитических индустрий Ближнего и Среднего Востока. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 73 с.
- Джуракулов М.Д.** Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1987. – 187 с.
- Касымов М.Р.** Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане // Палеолит и неолит СССР. – Л.: Наука, 1972. – С. 111 – 119. – (МИА; № 185).
- Касымов М.Р.** Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 47 с.
- Кетрару Н.А.** Памятники эпох палеолита и мезолита: Археологическая карта Молдавской ССР. – Кишинев: Штиинца, 1973. – Вып. 1. – 175 с.
- Кирикэ В.** Культура Рипичень-Брынзень // Stratum plus. – 1999. – № 1. – С. 164 – 167.
- Коробкова Г.Ф., Джуракулов М.Д.** Самаркандская стоянка как эталон верхнего палеолита Средней Азии // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 385 – 462.
- Лев Д.Н.** Поселение древнекаменного века в Самарканде // Тр. СамГУ. – Самарканд, 1964. – Вып. 135. – С. 5 – 109.
- Нгуен Кхак Ши.** Культура шонви и ее место в каменном веке Юго-Восточной Азии // СА. – 1982. – № 3. – С. 5 – 12.
- Отт М., Нуаре П., Лопес-Байон И.** Обзор верхнего палеолита Молдавии // Stratum plus. – 1999. – № 1. – С. 160 – 163.
- Сапожников И.В.** Палеолит степей Нижнего Приднестровья. – Одесса: Изд-во Ин-та археологии АН Украины, 1994. – Ч. 1. – 78 с.
- Станко В.Н.** Мирное: Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. – Киев: Наук. думка, 1982. – 164 с.
- Сулейманов Р.Х.** Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. – Ташкент: Фан, 1972. – 170 с.
- Bordes F.** Le passage du Paleolithique moyen au Paleolithique superieur // Hundert Jahre Neanderthaler. – Utrecht. – 1958. – P. 175 – 181.
- Chirica V., Borziak I., Chettraru N.** Gisement du Paleolithique superieur ancien entre le Dniestr et la Tissa. – Iasi: Ed. Helios, 1996. – 210 p.
- Paunescu A.** Ripiceni-Izvor. Paleolitic si mezolitic. – Bucuresti: Academia Romana, 1993. – 226 p.
- Valoch K.** Etude statistique du Szeletien // L'Antropologie. – 1957. – T. 61, N 1/2. – P. 84 – 89.

Материал поступил в редколлегию 18.06.2001 г.